

PK-XГУ-2.

631419

Дорожному
Ремеслу Анапльскому
Ремеслу - Сыеру
от оловра

Монет
13/x 47.

9390/4

СОЛОН

Часть I (до 594 г. до н. эры)

(Исследовательский этюд из истории Афин VI века
до н. эры)

Проф. К. Э. ГРИНЕВИЧ

Доктор исторических наук

1. ВВЕДЕНИЕ

Насколько нам известно, на русском языке нет специальной работы на нашу тему, кроме старых статей и общих сочинений по истории Греции, а между тем в вузовской программе по истории много внимания уделено затронутому нами периоду древне-греческой истории.

Но не только на преподавателей и студентов рассчитана эта работа. Она должна заинтересовать любого читателя, интересующегося теми периодами истории, когда складывалась наша культура. Эта работа посвящена описанию жизни и деятельности Солона и Писистрата, — великих афинских политических деятелей VI века до нашей эры. Это было время перехода от последних стадий родового быта к организации классового рабовладельческого государства в древней Греции в виде так называемых полисов (*Πόλις*), т. е. городов-государств как самостоятельных политических единиц.

Солон был гражданином города Афин, стоявших во главе всей Аттики — области, находящейся в северо-восточной части средней Греции. Его реформы, рожденные длительной борьбой между классовыми группировками, хотя и были компромиссны, но были все же настолько революционны, что положили конец могуществу землевладельческой знати и оказались фундаментом для создания афинской рабовладельческой демократии. В этом историческое значение Солона. Его заслугой в области народного хозяйства родного города является поощрение развития ремесла и торговли. Возможно, что его заграничные поездки укрепили торговые связи с крупнейшими государствами того времени — с Египтом, кипрскими греческими полисами и с малоазиатской богатой Лидией.

Солон жил в то время, когда Греция вышла из тишины провинциального захолустья и стала жадно знакомиться с древними восточными культурами. Это можно хорошо проследить и по ориентализирующему стилю вазовой чернофигурной живописи конца VII — начала VI века, и особенно по статуям юношей и девушек, найденных в персидском мусоре на афинском акрополе. Недаром античная традиция связывает основную реформу Солона — сисахфию — отмену долгов и запрещение долгового рабства с подобной же реформой египетского фараона Бокхориса. Заимствование и связь далеко не случайны, они проложены торговлей, связывавшей эти страны. Знакома читателя с Солоном, мы одновременно разворачиваем тот социально-экономический и политический фон, на котором он действовал и без которого он нам был бы непонятен. Так, мы даем описание Египта и Лидии того времени, в связи с путешествиями Солона. Затем мы останавливаемся на прямом продолжателе дела Солона, только шедшем другими путями, Писистрате. Здесь следует отметить, что и Писистрат и Солон — были прогрессивными правителями, которые вывели Атику из социально-экономического тупика и сделали ее первоклассным государством Греции, покончившим с родовым строем.

Читая эти страницы древней истории, читатель ни на минуту не должен забывать, что внизу социальной лестницы все время находятся бессловесные, забытые рабы, «говорящие орудия» (*in struimentum vocale*), как их называли древние. Много веков спустя поголовное восстание рабов, соединенное с иноземным нашествием прикончило рабовладельческое общество и на смену ему пришел феодализм. Основоположники марксизма высоко оценивали историческое значение античного общества и даже рабства. «Без рабства, говорит Энгельс в «Антидюринге», не было бы греческого государства, греческого искусства и науки; без рабства не было бы и Рима. А без основания, заложенного Грецией и Римом, не было бы также современной Европы. Мы не должны забывать, что все наше экономическое, политическое и умственное развитие вытекло из такого предварительного состояния, при котором рабство было настолько же необходимо, как и общепризнано. В этом смысле мы имеем право сказать, что без античного рабства не было бы и современного социализма» (К. Маркс и Ф. Энгельс т. XIV, 183).

Снова и снова возвращается историческая мысль к древней Греции. Там, на этом чудесном клочке земли, на юге Балканского полуострова, за какие-нибудь 300—400 лет (с IX по V век) до недостигаемых ранее высот выросла человеческая культура. Благодаря удачному сочетанию лазурного, не пугавшего, но манившего вдаль моря, с суши, покрытой плодородными долинами и трудно-

проходимыми горами, благодаря хорошему умеренно-теплому климату, благодаря, наконец, пылливой и трудоспособной греческой нации здесь, как нигде раньше, развились государственная жизнь, науки, искусства, философия. Можно прямо сказать, что именно в древней Греции источник современной европейской культуры. Недаром в течение 2 500 лет лучшие передовые умы человечества всегда обращались к этой «развалине, покрытой гробами» и всегда Греция удовлетворяла их любознательность, щедро делилась с ними своими древними достижениями. Изучение древней Греции имеет огромное значение и для историка. В самом деле, на протяжении с X по IV век Греция испытала смену форм политической жизни. Начав с древней родовой царской власти (*basileia*), она переходит к владычеству знати, затем через период реформ и тирании — к эпохе демократической республики, затем снова к олигархии, чтобы закончить свой цикл мировой державой Александра Македонского в конце IV века до нашей эры. Все эти этапы сопровождались острой классовой борьбой, все эти этапы имеют своих историков-современников, часть творчества которых дошла до наших дней. В этом отношении особенно благодарной является выбранная нами тема о Солоне. Его смелые, революционные реформы, которые должны были разрядить атмосферу напряженной классовой борьбы, явились первым камнем в построении афинской демократии; для нас ясно видны его намерения, цели и задачи и для нас видны также и причины его неудач. О Солоне глубоко и ярко писал Энгельс в «Происхождении семьи, частной собственности и государства», а также А. Морган в «Древнем обществе».

Солон!... Это имя, принадлежащее афинскому реформатору VI века до нашей эры, должно быть знакомо каждому человеку еще со школьной скамьи. Именно его, согласно легенде, записанной Геродотом, вспоминает пленный лидийский царь Крез на костре перед казнью и это имя спасает его от смерти. Вокруг имени Солон еще в древности начали нарастать сначала сплетни, потом легенды, — и сейчас очень трудно отделить легендарное и вымышленное от исторической правды. Поэт-мудрец, в руках которого стихи превратились в орудие политической агитации и борьбы, стойкий и неподкупный реформатор, который с честью устоял от соблазна превратиться в тирана, каких было много в то время в потрясенной социально-экономической борьбой стране, — Солон представляет собой яркую, непосредственную личность древнего мира.

Личность Солон и его реформы интересовали писателей уже в глубокой древности и его уже тогда причисляли к семи мудре-

дам древнего мира. Авторы утраченных ныне «Аттид», т. е. исторических сочинений об Аттике: Гелланик Лесбосский, живший во второй половине V века до нашей эры, Клидем, Андротион, Фанадем, Филохор и многие другие, несомненно, уделяли место реформам Солона, поскольку эти реформы явились первым камнем в создании афинского демократического строя. Были писатели, подробно трактовавшие о Солоне, как, например, Гермипп Смирнский, написавший в III веке до нашей эры два трактата: «Περὶ τῶν ἐπὶ ἑπτὰ σοφῶν» («О семи мудрецах») и «Περὶ νομοθετῶν» («О законодателях»). Дидим Александрийский написал даже специальное сочинение о законах Солона. К сожалению, от всей этой богатой литературы не осталось и следа, кроме голых упоминаний, да жалких обрывочных цитат у древних авторов.

Однако время все же пощадило Солона и сохранило для нас частично его стихотворения, так что мы можем из непосредственного источника познакомиться с этой замечательной личностью древнего мира, а также с его деятельностью. До нас сохранились два крупных произведения древности, которые достаточно подробно говорят нам о Солоне. Это — найденная в Египте в 1890 году «Афинская Полития» Аристотеля, 1/158 часть его гигантского курса по истории государственного строя современных ему государств. Вторым является монография писателя I века нашей эры Плутарха, посвященная Солону и Сервию Туллию¹⁾. Правда, оба писателя жили гораздо позже Солона и потому уже в их время трудно было отделить правду от вымысла, но оба широко пользовались утраченными ныне сочинениями о Солоне и, главное, приводят в тексте его стихи. Кроме того, у целого ряда других древних писателей, как-то: Геродота, Диогена Лаэртия, Платона и других имеются цитаты из его стихотворений²⁾.

Эти стихотворения, «из которых слова не выкинешь», и некоторые обрывки текстов его законов являются нашим основным источником о жизни и деятельности Солона. Изложение Аристотеля, Плутарха, Геродота и других являются позднейшими рассуждениями на основе этих источников и трудов более ранних писателей, о которых мы говорили выше.

Так как нашей главной задачей является показать во весь рост деятельность Солона и его личность, — мы решили это сделать

¹⁾ См. Гершензон, Афинская Полития Аристотеля и «Жизнеописание» Плутарха М., 1895.

²⁾ Все эти отрывки собраны Дилем в его «Anthologia lyrica graeca» (Лейпциг 1925 г., том I) и Бергск'ом в «Poetae lyrici graeci» II т., 4 изд. 34 слл. Недавно они частично изданы С. Радцигом в русском переводе в приложении к его переводу Афинской Политии Аристотеля. Социализм 1936). См. также В. Вересаев, Эллинические поэты (Собр. соч. т. X).

так, чтобы читатель почувствовал аромат эпохи, почувствовал бы личность Солона, т. е. привлекая в первую очередь все его стихи и затем цитируя другие древние тексты. Солон и его жизнь и деятельность мы не поймем без марксистского анализа состояния Греции и, в первую очередь, Афин того времени. Только изучив эпоху с привлечением всех источников, мы сможем с достаточной глубиной и основательностью показать личность Солона и его деятельность.

2. СОЛОН до 594 ГОДА¹⁾

Когда родился Солон, — точно неизвестно, однако, можно высказать некоторые соображения. Известно, что он принимал участие в борьбе за остров Саламин, отнятый у Афин мегарским тираном Феагеном, тестем афинянина Килона в отместку за неудавшийся захват им власти. Попытка Килона должна была произойти вскоре после 640 г., когда Килон победил на Олимпийских играх. Борьба за Саламин была продолжительной. Она прекращалась и вновь началась по инициативе Солона долго спустя после бесплодных попыток вернуть себе этот остров. Участие Солона в этой войне падает приблизительно на 600 г. или около этого. В это время он был уже вполне сознательным гражданином, лет 35. Значит, он должен был родиться приблизительно около 638 года до нашей эры. Последние выступления Солона падают на первый приход Писистрата к власти, т. е. на время после 561 года. Умер он, если считать правдоподобным рассказ Геродота о его свиде-

¹⁾ Биография Солона чрезвычайно затемнена легендами. См. Niese, *Zur Geschichte Solons und seiner Zeit* (Historische Untersuchungen Arnold Schäfer gewidmet 1882, 1); Bohren, *Beiträge zum Leben Solons* (Philologus, t. XXX, 1870, стр. 177 сл.); Lentsch, там же, 1871, t. XXXI, 137. Много страниц уделил Солону Schubert в своей работе *Geschichte der Könige von Lydien*, стр. 70 сл. Кроме того, Солону отведено много места в основных работах по истории древнего мира и древней Греции, в том числе среди новых на русском языке укажем: С. И. Ковалев, — *История античного общества I Греция*, М. 1936, стр. 124—149; *История древнего мира* (ГАИМК), часть II, М. 1936, стр. 183—205. Из старых работ на русском языке: О. Гордиевич, *Солон и его стихотворения* — Варшав. Универс. известия, 1877, кн. 1—3 (устарело); Э. Р. фон-Штерн, *Солон и деление аттического гражданского населения на имущественные классы* — в сборнике „*Хартия*“ в честь проф. Ф. Е. Корша, М. 1896; Гершензон, *Афинская Политика Аристотеля и жизнеописание Плутарха*, М. 1895. Проф. Бузескул, *Афинская Политика Аристотеля как источник для изучения истории афинского государственного строя*, Х. 1895. Его же, *История Афинской демократии* СПб, 1909 (есть второе сокращенное издание — Харьков, 1919 г.). В. Шеффер, *Афинское гражданство и народное собрание*, М. 1891. Н. Гольдвин, *Афинский Совет. История, организация, ведомство*, Х. 1904. В. Ц. Латышев, *Очерк греческих древностей*. I часть (отчасти устарело).

нии с царем Лидии Крезом, приблизительно около 555 года, имея от роду около 85 лет. Известно, что он происходил из древнего ионийского рода Кодридов. Про Кодра, последнего легендарного царя афинян, сохранилась интересная легенда, давшая повод римскому поэту Горацию сложить оду, начинающуюся так:

Quantum distat ab Inacho

Codrus, pro patria non timidus mori¹⁾.

Предание передает, что Кодр оказал Атике огромную услугу во время нашествия дорян; так как, по предсказанию оракула, победа должна была остаться за теми, чей царь раньше погибнет, Кодр, царь афинян, не задумался пожертвовать собою ради отечества; переодевшись, Кодр пробрался в лагерь дорян и затеял ссору, в которой и заставил себя убить. Затем предание сообщает, что афиняне, якобы были так восхищены подвигом этого царя, что решили не иметь после него царей²⁾.

Вот из этого аристократического рода происходил Солон. Таким образом аристократы вполне могли Солона считать своим. Однако, Солон не считал себя эвпатридом и даже богачем. Повидимому, его предки разорились и он лично занимался торговлей. Таким он представлялся еще древнему Плутарху, который говорит: «Что Солон себя причислял скорее к партии бедных, чем богатых, видно из следующих стихов:

Много людей и худых богатеет, а добрые — бедны.

Но у худых ни за что не променяем своей

Доблести мы на богатство: она ведь при нас неизменно,

Деньги ж сегодня один, завтра захватит другой³⁾.

Если вспомним классовые группировки в Атике конца VII — начала VI веков, то мы Солона должны будем причислить скорее к паралиям, т. е. к среднему классу и то с большими оговорками⁴⁾. К эвпатридам его причислить нельзя, так как землевладельческие интересы ему были чужды, поскольку он, судя по всем данным, земли и имений не имел. Правда, по его аристократическому происхождению эвпатриды должны были его считать своим. К диакиям, т. е. беднякам-земледельцам Солон также нельзя причис-

¹⁾ «Сколько далеко от Инаха стоит

Кодр, за родину умереть не боявшийся».

²⁾ Конечно, эта легенда нелепа и наивна. Более правильным следует считать другой вариант, записанный у Аристотеля: Кодриды потеряли власть потому, что стали изнеженными и сделались неспособными управлять государством (см. Эпитоме Гераклида).

³⁾ Плутарх, Солон, гл. 3.

⁴⁾ Wilbrandt, Die politische und soziale Bedeutung der alten Geschlechter vor Solon (Philol. Supplement VII. 1899. См. Wilamowitz, Aristoteles und Athen I, 98 слл.

нить, так как у него было торговое дело. Аристотель в *Афинской Политии* (гл. 5, 3) говорит: «По происхождению и по известности Солон принадлежал к первым людям в государстве, по состоянию же и по складу своей жизни — к средним. Все вообще данные говорят за это, да и кроме того и сам он свидетельствует об этом в следующем стихотворении, предупреждая богатых от чрезмерных притязаний:

Вы же в грудь у себя успокойте могучее сердце:
Много досталось вам благ, ими пресытились вы.
Знайте же меру надменному духу: не то перестанем
Мы покоряться, и вам будет не по-сердцу то.

И вообще виновниками этого восстания он всегда выставляет богатых. Потому и в начале своей элегии он говорит, что боится «как сребролюбья людей, так и надменности их», — значит предполагает, что из-за этого и возникла вражда». Так говорит Аристотель. Надо, однако, расшифровать, почему Солон принадлежал «по известности» к первым людям в государстве. В чем состояла эта известность, чем он стал известен? На этот вопрос нам отвечает Плутарх и не только он. Все источники единогласно свидетельствуют, что прежде всего Солон был известен как поэт, автор элегий. Есть намеки на то, что Солон, несомненно, в молодости был автором широко распространенных любовных элегий. По крайней мере тот же Плутарх в другом месте¹⁾ упоминает Солона как образец влюбленного. «Кстати, говорит он, клянусь Зевесом, упомянул ты о Солоне и надо брать его за образец влюбленного:

Если пылает кто страстью, во цвете красы своей юной,
Бедр красотою прельщен, сладкою нежностью уст...».

Но, конечно, одно поэтическое творчество не принесло бы Солону того политического авторитета, которым он пользовался. Источники говорят, что Солон выступил как поэт-гражданин и с этого момента его элегии тесно связываются с политической жизнью Атики и, прежде всего, его родного города — Афин. Но прежде чем перейти к этим чисто политическим элегиям Солона, мы должны познакомиться с его замечательной элегией «К самому себе», в которой ярко обнаруживается его мировоззрение, — идеология афинянина конца VII — начала VI веков. Мы видим, что Солон являлся, действительно, средним человеком, верившим, как и большинство афинян и других греков — во всемогущую судьбу («Мойру») и в многочисленных богов. В этом отношении

¹⁾ Плутарх, *О любви*, 5, стр. 751.

мировоззрение Солона очень близко к взглядам «отца истории» Геродота, жившего почти столетием позже Солона.

В этой элегии, кроме того, есть ряд ценных бытовых моментов: в ней чувствуется усилившаяся власть денег, в ней даны типы занятий современных Солону людей. Перейдем к самой элегии.

К самому себе¹⁾.

О, пиерийские Музы, о, вы, Мнемозины и Зевса
Славные дочери, моей ныне внемлите мольбе.
Счастье мне от блаженных богов в обладание дайте
И от людей ото всех добрую славу иметь,
Сладостным быть для друзей, для врагов же быть горьким мне дайте.
Тем уважение внушать, этим же ужас оди.
Также стремлюсь и богатство иметь, но владеть им нечестно
Я не хочу: наконец Правда ведь все-же придет.
Ежели боги богатство дадут, оно прочным бывает
От глубочайших корней вплоть до вершины самой.
Если же дерзостью люди берут, то приходит нестройно,
Несправедливым делам будет служить и тогда
Против желанья. Но быстро приходит беда роковая.
Малым начнется она, точно от искры огонь
Слабый бывает сперва, а кончается скорбью великой,
Ибо недолго дано смертным обиды творить.
Но замечает конец всего Зевс и внезапно карает:
Как разгоняет весной быстро с небес облака
Ветер, который, в бурливой пучине бесплодного моря
Самую глубь взволновав, на хлеботородной земле
Опустошает прекрасные нивы, приходит на небо
Ввысь ко престолу богов и проясняет лазурь —
Сила ж прекрасная солнца над тучной сияет землею.
И уж ни облачка вновь больше не видно нигде:
Так и от Зевса приходит возмездье, но гнев не во всяком
Деле так быстр у него, как то у смертных людей.
Нет, никогда от него не укроется, чей тем проклятьем
Дух одержим; все равно, въяве раскроется все.
Этот казнится сейчас, тот позднее, но если избегнут
Сами и воля богов не совершится теперь, —
Все же возмездье придет: неповинные после страдают —
Дети ли этих людей, или позднейший их род.
Смертные — добрый, худой ли — мы все одинаково мыслим;
Каждый из нас до тех пор мнит себя мудрым во всем,
Горе пока не случится; тогда он и плачет, дотоле ж
Мы наслаждаемся все, льстяся надеждой пустой,
Кто от болезней лихих исстрадается телом и духом,
Думает вечно, что он станет здоровым опять.
Если иной небогат и томится от бедности тяжелой,
Все же мечтает всегда деньги большие иметь.

¹⁾ Diehl. Anthologia Lyrica graeca, т. I. Лейпциг. 1925. Цитирую по приложению № V к «Афинской Политии» Аристотеля в перев. Радцига. М.—Л. 1936, стр. 133 сл.

Ищут по разному все: тот по рыбообильному морю
 Плавает на кораблях, думая в дом привезти
 Прибыль; он носится всюду, ветрами по свету гонимый,
 И не жалеет ничуть собственной жизни нигде;
 Этот батрачит год за год, взрывая садовую землю;
 Будет иному удел — плугом работать кривым;
 Тот же искусство Афины и мастера, бога Гефеста¹⁾,
 Тонко усвоив, рукой хлеб добывает себе.
 Также и тот, кто от муз олимпийских дары их воспринял
 И в совершенстве постиг знание желанное их;
 Сделал иного пророком сам царь Аполлон-дальновзвещ;
 Может задолго узнать тот о грядущей беде,
 Коему боги сопутствуют сами; судьбы же решений
 Не отворотит уж никто, как ни гадай, ни молись;
 Мужи иные — врачи и владеют искусством Пеона²⁾
 Зелий владыки, но им также открыто не все,
 Часто от малой болезни тяжелая мука бывает,
 И не находит никто зелий, чтоб муки смирить.
 А иногда одержимого лютым, тяжелым недугом
 Врач, лишь коснувшись рукой, вдруг исцеляет вполне.
 Смертным судьба и худое и доброе в жизни приносит,
 Все же, что боги дают, нам неизбежно всегда.
 Всякому делу опасность присуща, никто не предвидит,
 Дело едва лишь начав, как оно после пойдет.
 Часто иной, помышляя о лучшем, предвидеть не может,
 И в роковую беду тяжкую вдруг попадет.
 Тот же и худо творит, но во всем ему бог посылает
 Счастье; спасенье даст от неразумья ему.
 Ясных пределов нигде не положено людям в наживе.
 Кто между нами сейчас разбогател больше всех,
 Вдвое еще тот стремится. И кто же насытит всех мог бы?
 Людям иным и дают вечные боги корысть,
 Но от нее только пагуба им, и, когда ее людям
 Зевс в наказание пошлет, гибнут один за другим.

Уже в этой элегии звучат нотки о божьем наказании непосредственном или через детей. Эта мысль проводится здесь не просто. Она имела непосредственное отношение к так называемой «Килоновой смуте», т. е. попытке захватить власть. Эта элегия послужила, несомненно, предпосылкой к выдвижению Солона при ликвидации Килоновой смуты. В какое же время жил Солон?

Это было время, когда наступило глубокое противоречие между формой общества и его содержанием. Внешняя форма в значительной мере еще оставалась родовой: власть родовой знати — эвпатридов, сильная власть в руках родовых организаций, например, четырех родовых фил, отсутствие свободы распоряжения иму-

1) Афины чтились как покровительница ремесла, женских рукоделий, ткачества и гончарного дела. Гефест — считался богом-кузнецом.

2) Пеон — бог-целитель. Это прозвище перенесено потом на Аполлона и Асклепия.

ществом и т. д. С другой стороны, общество становилось все более классовым: гигантскими шагами развивалась частная собственность, родовая знать превращалась в крупных собственников-землевладельцев и рабовладельцев, увеличивалось число рабов. Из рядов эвпатридов и рабовладельческого демоса выдвигалась сильная группа торговцев и ремесленников, требовавшая себе политических прав. Но полуразбитые оковы умирающего родового строя все еще тормозили общественное развитие, задерживали превращение греческого общества в чисто классовое, мешали созданию подлинного государства. Противоречие между бесклассовой старой формой родового строя и классовым содержанием могло разрешиться только общественным взрывом, только революцией. «Столкновение новообразовавшихся общественных классов, — говорит Энгельс¹⁾, взрывает старое общество, покоящееся на родовых объединениях». На основе своей политической власти знать (эвпатриды) начинает все более решительно использовать в своих интересах и свое экономическое превосходство, особенно с тех пор, как, благодаря участию крупных землевладельческих хозяйств в производстве на рынок и в крупных торговых оборотах, в среде знати все интенсивнее сказываются интересы добычи и наживы. Этому в высшей степени способствовал и тот великий экономический прогресс, который завершился в VII веке переходом к денежному хозяйству. И тут происходило классовое расслоение. Подобно тому, как в области землевладения земли начинают концентрироваться в руках наиболее богатых эвпатридов за счет разорявшегося мелкого свободного крестьянства, — и в области торговли и промышленности происходило следующее: деньги шли в руки крупных землевладельцев, предпринимателей и купцов-оптовиков, а мелкому землевладельцу, ремесленнику и даже мелкому купцу-торговцу доставались с большим трудом, путем тяжелых хозяйственных жертв. Деньги в то время были еще дороги и размер взимавшихся процентов был, следовательно, высокий²⁾. Но ведь чем выше размер процентов, тем больше возможности для капиталиста использовать свое хозяйственное преобладание в целях эксплуатации экономически слабых лиц, что приводило к настоящему закабалению несостоятельных должников, о чем красноречиво говорят элегии Солона.

¹⁾ Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, 1932, стр. 6.

²⁾ По Пельману этот вопрос спорный. Бек полагал 18%. Процент, несомненно был гораздо выше. См. Пельман, Очерк греческой истории, 1910, стр. 82.

Отношения классов, тем временем, все более обострялись. Это видел Солон, понимавший лучше многих положение дел. Он решился выступить для ликвидации Килоновой «смуты».

Солон имел уже к тому времени авторитет политического деятеля и он вмешался в это дело. Об этом подробно говорит Плутарх (Солон 12): «Оставшиеся в живых сторонники Килона снова сделались сильными и постоянно вели борьбу против потомков Мегакла. Но, в то время, когда смута достигла высшей степени напряжения и народ разбился на партии, посредниками выступили Солон, уже пользовавшийся тогда известностью, и с ним благороднейшие из афинян; просьбами и разъяснениями он убедил этих, так называемых, «нечестивцев» передать свое дело на рассмотрение трехсот судей, избранных из благородных. Мирон из Флии выступил обвинителем, и нечестивцы были признаны виновными; живые были изгнаны, что же касается умерших, то трупы их были вырыты и выброшены за пределы страны. Вследствие таких смут, да кроме того, вследствие нападения мегарцев (о чем — ниже) афиняне потеряли Нисею¹⁾ и вторично были вытеснены с о. Саламина. Кроме того, государство было подавлено какими-то страшными предчувствиями беды и видениями, вследствие суеверной боязни, и, по словам гадателей, все указывало на то, что грехи и нечестивые деяния требуют очищения²⁾. Ввиду этого-то и прибыл к ним приглашенный с Крита Эпименид из Феста³⁾.

1) О местн Мегарского тирана Феагена за неудачу его зятя Килона мы говорить будем дальше. Здесь хронология запутана и неясна. Что раньше было: суд над «нечестивцами», или борьба за Саламин — установить невозможно. Я принимаю за основу свидетельство Плутарха, поскольку всякие гипотезы были бы здесь совершенно беспочвенными. Нисея была гаванью Мегар и была захвачена афинянами, но потом мегарцы отбили ее, как и Саламин. Война шла с переменным успехом.

2) Таковую же мысль, как мы видели, проводил и Солон в своей элегии «К самому себе». Это убеждает в достоверности слов Плутарха об участии Солона в ликвидации Килоновой «Смуты».

3) О попытке Килона см. E. Meyer, *Gesch. d. Alt. II*, 632; Busolt, *Griech. Geschichte* II², 204 (приведена вся литература). Kirchner, в *Rhein. Museum* 1898, 380; Beloch — там же, 1895.

Оба последних автора относят попытку Килона к 480—470 гг. до нашей эры — к архонству Дамасия, а Seeck в *Klio* 1904, IV, стр. 325 слл. — даже ко времени Писистрата. Мы не видим оснований отодвигать так далеко попытку Килона и датируем ее временем после 640 г., когда Килон был победителем в Олимпиаде и имел наибольшую популярность. Жреца Эпименида большинство исследователей считают вымышленным лицом. См E. Meyer, *Gesch. d. Alt. II*, 640 и 749; Törrfer, *Attische Genealogie*, 140. Историческим лицом его считает Diehl, *Über Epimenides von Kreta* в *Sitzungsberichte d. Berl. Akad. d. Wissenschaften* 1891, 387. Следует отметить, что Эпименида упоминает и Платон. Быть может, здесь — предание, созданное дельфийскими жрецами, враждебными Алкмеонидам. Это предание могло быть создано в конце VI или начале V веков до нашей эры.

Это подавленное настроение афинян и жителей Аттики, конечно, вызывалось не каким-либо «неискупленным грехом», а причинами более реальными и более глубокими: Дело в том, что противоречия между обездоленным демосом и эвпатридами все время продолжали нарастать, попытка Килона их только углубила; законы Драконта их не смягчили и впереди не было видно мирного выхода из этой как бы затягивавшейся петли; нарастала опасность гражданской войны. Кроме того, произошло, как мы видели, большое осложнение извне: тесть неудачника Килона мегарский тиран Феаген, мстя за неудавшуюся попытку своего зятя захватить власть, пошел на Афины войной и захватил в Сароническом заливе остров Саламин, соседний с Аттикой и принадлежавший Афинам. Это была большая угроза независимости Афин. Остров запирали выход в большую бухту и, заняв его, мегарцы как бы одной ногой уже стояли на территории Аттики. Саронический залив оказался, таким образом, в руках мегарцев и неприятельские суда держали в блокаде лучшие гавани Аттики, отчего сразу прекратилась вся торговля, а с нею и пропитание многочисленного городского населения, занимавшегося торговлей и производством изделий на торговлю. Война была продолжительной и тяжелой и еще более обострила классовые взаимоотношения¹⁾. Плутарх так описывает эти события и участие в них Солон (Солон, глава 8): «Когда жители города измучились от продолжительной и тяжелой войны с мегарцами из-за острова Саламина и даже издали закон, запрещающий под угрозой смертной казни писать предложения, или заявлять снова о том, чтобы государство пыталось вернуть Саламин, Солон скорбел об этом позоре. Видя, что многие юноши нуждаются только в руководителе для ведения войны, сами же не смеют начать дело в силу закона, — он притворился сумасшедшим, и из его дома по городу распространилась молва, что он лишился рассудка. Тайно сочинив элегию и разучив ее, чтобы произнести наизусть, Солон вдруг выбежал на площадь в войлочной шляпе на голове. Когда сбежалась большая толпа народа, он взошел на камень глашатая и пением исполнил элегию, которая начинается следующими словами:

«Сам я глашатаю к вам с Саламина желанного прибыл;
Песнь, украшение слов, вместо витийства принес»²⁾.

¹⁾ Она должна была начаться вскоре после бегства Килона из Афин (примерно в 638 г.) и продолжалась до 600 года, когда с помощью Солон афиняне снова вернули себе Саламин и послали туда клерухию. Некоторые ученые считают, что клерухия была послана значительно позже — при реформаторе Клисфене.

²⁾ В подлиннике игра слов: ἀγορῇ — речь из площади (витийство) и товар, продаваемый на рынке.

Это стихотворение озаглавлено «Саламин» и состоит из ста стихов. Сочинение это весьма красиво». Так передает Плутарх момент вмешательства Солона в вопрос о Саламине. Предание, которому следует Плутарх, представляет Солона бесстрашным патриотом, не побоявшимся даже смерти, чтобы отстоять интересы родного города. К сожалению, от элегии «Саламин» до нас дошли только жалкие обрывки, всего шесть строк, а именно:

«Лучше бы на Фолегандре родиться мне иль на Сикине¹⁾,
А не в Афинах; иной родины сыном мне быть.
Скоро такая молва разойдется, пожалуй, по свету;
Скажут: из Аттики он, предали где Саламин...».

Имеется еще один отрывок из той же элегии:

«На Саламин поспешимте, сразимся за остров желанный,
Чтобы скорее с себя тяжкий позор этот снять».

Диоген Лаэртский²⁾ подтверждает участие Солона в этой войне и говорит:

«Тут снова афиняне начали войну с мегарцами и победили их благодаря Солону». Это событие правдоподобнее всего относить к 600 г. до нашей эры. Для Солона, как представителя торговых людей, участие в этой борьбе и даже инициативная роль в ней вполне понятна и вполне правдоподобна. Овладев Саламином³⁾ и восстановив прежнее положение, Афины вскоре вступили в борьбу с митиленцами⁴⁾ за город Сигей, расположенный на северозападном берегу Малой Азии и представлявший ключ к Мраморному и Черному морям. Подробности и обстоятельства этой борьбы, в которой также, повидимому, принимал участие Солон, неясны и многие исследователи склонны относить взятие Сигея, то ко времени Солона, то ко времени Писистрата. Нам кажется наиболее правильным отнести взятие Сигея к эпохе Солона, так как именно с начала VI века в некрополях и на городищах Пантикафея (Керчь) и Ольвии появляются ранние аттические чернофигурные вазы, из которых следует, например, упомянуть до сих пор неизданный чернофигурный кратер Керченского музея с изображением вакха-

¹⁾ Фолегандр и Сикии — маленькие островки на Эгейском море. Все подробности этой войны с анализом дошедших до нас свидетельств подробно излагает E. Meyer в *Gesch. des Altertums*, II, стр., 646 сл. Автор приписывает Солону заслугу взятия острова Саламина.

²⁾ 1.46. Диоген жил в III в. нашей эры. О нем, равно как и о других историках греческой истории см. В. П. Бузескул, *Введение в историю Греции* Пгрд., 1915 и его же «Афинская Политика», X. 1895.

³⁾ Борьба из-за Саламина этим не закончилась. Она продолжалась и при Писистрате. При нем третейским судом Спарты право на обладание Саламином окончательно было утверждено за Афинами.

⁴⁾ Город Митилены на острове Лесбосе у Западного берега Малой Азии.

нок и силенов. Занятие Сигея афинянами имело большие последствия. Афины стали прочной ногой в проливах, ведущих в Мраморное и Черное моря и смогли начать торговлю с имевшимися уже в Черном море древнегреческими городами: Синопом и Трапезунтом на южном берегу, Диоскуридой и Гортишпией на восточном и Пантикапеем, Фанагорией, Херсонесом, Ольвией и Тирой на северном берегу Черного моря. В связи с этим средний класс — торговцы и ремесленники еще более усилились и тем резче стало чувствоваться их бесправное положение в государстве. В Атике по-настоящему запахло грозой. Назревали крупные события. Многие с трепетом ждали открытого восстания демоса и гибели родного города. К этому именно времени относится одна из лучших элегий Солона «Наставление афинянам». Приводим ее полностью.

«Нет, никогда, никогда не погибнет наш город родимый
Волею Зевса и всех вечно блаженных богов;
То ведь Паллада-Афина, заступница крепкая наша,
Бога великого дочь длани простерла над ним.
Но неразумьем своим сами граждане город великий
Ввергнуть в погибель хотят ради корысти одной.
И у народных вождей преисполнены думы лукавства.
Горести много их ждет ради надменности их.
Спеси своей ведь они подавлять не умеют и радость.
Данную ныне венчать в тихом кругу за столом.
Только о деньгах мечты их; владеть, хоть нечестно, стремятся
И богатеют они, злым предаваясь делам.
Сытость — надменности мать, коль приходит богатство большое:
Тут не шадят ничего, ни из сокровищ святых,
Ни из народных богатств; они грабят, откуда придется
И не боятся совсем. Правды уставов святых.
Ведает молча она настоящее все и бывшее,
Но, хоть и поздно, придет дар воздаяния всем.
Это-то граду всему и приносит удар неизбежный.
В тяжкое рабство затем вскоре же он попадет.
Рабство ж гражданскую смуту и брань ото сна пробуждает,
Ту, что у многих людей юность златую возьмет.
Ведь супостатов руками терзается город желанный
В страшных кровавых боях, милых злодеям одним.
Эти несчастья в отчизне творятся; из бедного ж люда
Много в чужую страну вдаль поневоле идет,
Проданных в тяжкое рабство, влачащих позорные цепи,
И поневоле несут горькую долю рабов.
Так это общее горе уж к каждому в дом тут приходит,
Но дворовые врата путь преграждать не хотят;
Стену высокую в миг перепрыгнет и всюду настигнет,
Хоть бы ты в доме своем в дальний покой убежал.
Вот что поведать велит мое сердце народу афинян:
Ведь незаконье несет городу множество бед;
Где же законность царит, там порядок с согласьем бывает;
Да и преступным она на ноги пути кладет;
Грубость смягчает, смиряет надменность, насилие губит,
Бедствий цветок роковой сушит, не давши расцвести.

Правду в неправых судах водворяет, дела деревовеня
Сгладить умеет она и прекращает раздор.
Злобу жестокой вражды погашает она, и повсюду
Мудрость царит меж людьми вместе с согласием пра ней.

Из этой элегии ясны причины и цель ее написания. Солон, как никто, лучше всех видел происходящую борьбу и тяжелое положение демоса, который был задавлен кризисом и вследствие этого многие граждане продавались в рабство. В то же время алчность эвпатридов, принимая во внимание дороговизну денег в то время, не знала границ и обе прослойки рабовладельческого класса — бедные и богатые, — обездоленные и жиревшие стояли друг против друга, готовые броситься в жаркую битву. Таково было положение в Афинах около 594 года до нашей эры.

КАНУН РЕФОРМЫ СОЛОНА

К началу VI века до нашей эры политические и социальные отношения в Аттике сложились, как мы видели, так, что можно было ожидать неизбежной междоусобной войны. Господство эвпатридов с его устарелыми формами, не соответствовавшими торгово-промышленному развитию Аттики, привело к тому, что громадное большинство населения стало не только обездоленным в политическом смысле и удаленным от управления государством, но, помимо этого, сильно обеднело и привыкло смотреть на эвпатридов, как на своих эксплуататоров и угнетателей, в руках которых были богатства и все управление государством: одним словом, почва для народного восстания была вполне подготовлена. Сами эвпатриды чувствовали необходимость в разрежении сгустившейся атмосферы. Реформа Драконта никого не удовлетворила и не внесла успокоения, на что надеялись аристократы. Ведь, в сущности, Драконт только упорядочил и закрепил древнее право, составленное односторонне в пользу эвпатридов. Конечно, его реформа до некоторой степени уменьшила произвол эвпатридов, поставив вместо неопределенного обычая писанный закон; но она оставила в прежней силе главное зло: долговое право и связанное с ним рабство, когда за долги свободные бедняки продавались в рабство. И вот то, чего не сделал Драконт, сделал Солон. Интересно, что до нас дошли даже следы подготовки к этой реформе. Выше мы привели элегию Солон «Наставление афинянам», в которой он анализирует положение родной страны. Аристотель в Афинской Политии и Плутарх (Солон, 13) передают даже сплетни, распространявшиеся врагами вокруг имени Солон: «Афиняне, говорит Плутарх, после Килоновой смуты и после описанного выше удальства нечестивцев, опять возобновили прежнюю распрю, из-за го-

государственного порядка, причем государство разделилось на столько партий, сколько в самой стране было различных по природе местностей. Именно, население диакрийцев («горняков», — живших на горах, где плохая земля) было самым демократичным; наиболее олигархическим — население педийцев (жители равнины — помещики, у которых хорошая земля); третьи же — паратийцы (береговые жители, занимавшиеся торговлей и промыслами), предпочитая какой-нибудь средний и смешанный образ правления, служили помехой и не давали ни тем, ни другим взять верх. А так как в то время неравенство между бедными и богатыми достигло как бы наибольшей остроты, то государство находилось в совершенно неустойчивом положении и, казалось, могло стать прочно и избавиться от смуты только при том условии, если установится тирания. Надо иметь в виду, что весь народ был в долгу у богатых... Но большинство, и притом люди наиболее сильные, стало действовать заодно, призывая друг друга не относиться к этому равнодушно, но избрать одного верного человека в качестве простата («заступника»), освободить просрочивших свои долги, произвести передел земли и вообще изменить государственный строй. Вот тут-то наиболее благоразумные из афинян, видя, что Солон — единственный человек, непричастный ни к каким злоупотреблениям и что он с богатыми не был сообщником в их несправедливостях, но и не испытывал тяжелого положения бедняков, просили его заняться общественными делами и прекратить раздоры».

Однако, лесбосец Фаний (историк, ученик Аристотеля) рассказывает, что Солон сам употребил обман против тех и других для спасения государства и тайно обещал бедным раздел, богатым же обеспечение долговых обязательств. Но сам Солон говорит, что он сначала колебался взять в свои руки управление и притом боялся «как сребролюбья людей, так и надменности их»¹⁾. Он был избран архонтом после Филомброта²⁾ в качестве примирителя (ἀλλακτῆς) и законодателя одновременно, причем богатые его охотно приняли, как зажиточного, а бедные — как честного. Так говорит Плутарх. И Аристотель приводит несколько предварительных моментов к реформе, дополняя Плутарха (Аф. Пол. гл. 5) «Смута была сильная и долгое время одни боролись против других; наконец, они избрали сообща посредником и архонтом Соло-

¹⁾ Ср. Аристотель, Аф. П., гл. 5, 3.

²⁾ 594/593 г. до нашей эры. Наряду с этой датировкой по Плутарху и Диодору Лакртскому (Сосикрат) 1,65 существует и другая — по Аристотелю и Паросскому мрамору, 592/591 г. до нашей эры. Обычно принята первая датировка.

Ср. Нельман, 96.

на и поручили ему устройство государства, после того, как он сочинил элегию, начинавшуюся словами:

Да, понимаю, и в сердце глубоко кручина зашала:
Вижу, как клонится ниц первая прежде страна
Меж Ионийских земель...

В ней он нападает на обе партии, защищая в то же время одну от другой, разбирает весь спор, а после этого убеждает одинаково тех и других прекратить возникший раздор¹⁾.

Остановимся несколько подробнее на вопросе выдвижения Солона и на природе его полномочий. Солон выдвинулся по двум причинам: как человек, по инициативе которого была ликвидирована «Килонова смута» и было произведено «очищение» города, и как талантливый и смелый полководец, не побоявшийся нарушения неправильного закона и выступивший за Саламин. Надо помнить, что в то время соседняя Мегара была сильным городом-государством, высылала многочисленные колонии (между прочим Византия — будущий Константинополь — ее колония), вела обширную торговлю и победить этого сильного соседа было большой заслугой со стороны Солона.

Кроме того, по инициативе Солона Афины приняли участие в Священной войне против города Крисы, напавшей на Дельфы. Война закончилась поражением Крисы¹⁾. Солон, кроме того, выдвинулся как политический деятель, помогавший распространению торгового могущества Афин в сторону Черного моря, — вспомним борьбу с митиленцами за Сигей и т. п. Наконец, Солон был поэт и как поэт имел огромное влияние на своих сограждан, имея силу выразить в стихах чаяния многих классовых прослоек. Это был, как мы видели, хороший лирический поэт, написавший целый ряд элегий, которые заняли видное место в истории аттической литературы и многие из них, как видит читатель, дошли до нас. На первый взгляд стихотворная деятельность Солона и полученная этим путем популярность, как будто имеет мало отношения к политической реформе, — но стоит только немного взглянуть в историю греческой поэзии, чтобы понять, в чем тут дело.

Лирика при своем возникновении не была лирикой любви, как это можно было бы думать, хотя и эти темы не были совсем чужды тому же Солону. Древнейшая лирика есть прежде всего по своей тематике лирика политическая, порожденная страстной по

¹⁾ О священной войне см. Пельман, Очерк греч. истории, 92; Niese, Die heilige Krieg в сборнике в честь А. Шефера „Historische Untersuchungen“, 188 стр. 16 слл.

Война продолжалась, повидимому, целых десять лет.

литической борьбой классов. Это — лирика Феогида¹⁾, Солон и других поэтов. Стихотворения Солон проникнуты политической страстью; в них виден человек, глубоко любящий родину, чувствовавший неправильность положения вещей и всеми средствами искавший изменить его. И он был одним из самых выдающихся поэтов своего времени.

Любопытно, что с точки зрения более позднего времени он был человеком «середины» и сам выставлял себя таким; но если обратить серьезное внимание на то, из какого положения вывел он афинский народ и какие цели преследовал, то придется сказать, что он не был человеком компромиссов, а был своего рода революционером²⁾, каким после него в истории Атики не был почти никто. Его можно назвать человеком середины только в том смысле, что он своими реформами не удовлетворил ни богатых, ни бедных, заняв невыгодную позицию, или, как он сам говорит:

«Да, я народу дал почестей столько, чтоб было им вдоволь
Прав у него не отнял, не дал и лишних зато;
Тем же, кто силу имел и в народе богатством был славен,
Даже и тем заказал я не по чести владеть.
Встал я, могучий свой щит над одним и другим простирая
И никому побеждать не дал-неправо других».

Или в другом месте Солон очень ярко характеризует свое положение:

«А я меж них, как столб на спорном поле
Стал на меже...».

Из «Афинской Политии» Аристотеля мы видим, какое положение занял Солон. Любопытно, что и Дельфийский оракул Аполлона сочувственно отнесся к нему. Плутарх сохранил даже изречение оракула, прямо толкавшее Солон, как некогда Килон, на захват власти в виде тирании, на что, однако, Солон не пошел. Изречение оракула было следующее:

«Кормчего дело, афинский народ тебе в деле помощник,
Ныне воссядь посреди корабля, исполняя спокойно»³⁾.

¹⁾ Феогид родился и жил в Мегаре в конце VI века. Происходил из старинного разорившегося аристократического рода. Стихи его полны безысходного пессимизма и ненависти к демосу, равно как и к тирании. Он прямо заявляет:

«Если б пришло тебе в мысль кровопийцу-тирана низвергнуть,
В этом преступного нет — кары не бойся богов».

Он должен был уйти из родного города и влачить жизнь изгнанника.

²⁾ Таким его и называет Энгельс (Пронх. семья..., стр. 99).

³⁾ Быть может в этом сказалась благодарность жрецов Аполлона за помощь Афин в Священной войне против Крисы. Ведь Солон, как говорят, был одним из инициаторов участия Афин в этой войне. См. выше.

Мы знаем, что Солон получил совершенно исключительные полномочия и сделался так называемым эсимнетом (примирителем — *αἰσυνήτης*), применяя название, существовавшее в городах Великой Греции¹⁾. Эта чрезвычайная форма власти встречается в Греции в различных комбинациях. Все греческие государства в VII—VI вв. до нашей эры, в которых кипела в то время жестокая классовая борьба, в конце концов очень часто выходили из этого невыносимого положения путем установления временной диктатуры демоса в форме тирании. По всей вероятности эта форма возникла в южно-италийских городах, на что указывает самое слово *αἰσυνήτης* — италийского происхождения. Для нас важно то, что эсимнеты Южной Италии Залевк и Харонд являлись с такими же функциями власти, как впоследствии римский *dictator legibus ferendis* ²⁾. Аналогия здесь полная, хотя в Риме эта магистратура отлилась в более точные и определенные формы.

Любопытно, что уже в эту раннюю эпоху в Греции создается диктатура в форме исключительных полномочий отдельного лица в области законодательства. В известных случаях, как, например, в интересующем нас случае — в Афинах в начале VI века создается власть, которая совершенно выходит из обычных пределов, установленных законом, которая является, более того „*legibus soluta*“, как выражались римляне, т. е. освобождена от всех своих обычных законных ограничений. Задача ее заключается в том, чтобы из собственного полномочия создать законодательство.

Вот и Солон занял такое же положение. В «Политике» Аристотель называет его эсимнетом и характеризует его власть, как «законную тиранию»³⁾, а в «Афинской политике» Солон называется, как мы видим «примирителем» (*διαλλαχτής*) и власть его выставляется, как совершенно исключительная. Солон имел полномочия составить народу законы и притом довольно необычным порядком. В древних государствах обычная законодательная процедура была очень сложной: в Афинах, например, нужно было согласие Ареопага,

¹⁾ Великой Грецией назывался юг Италии, густо населенный греками еще в VIII веке до нашей эры.

²⁾ Залевк в Локрах и Харонд в Катане славились своим законодательством. Солоня авторы называют, кроме того, *διαλλαχτής* — примиритель. Термин „*dictator legibus ferendis*“ обозначает лицо, облеченное властью специально для издания законов в чрезвычайном порядке.

³⁾ Надо заметить, что греки словом „*тиран*“ (*τύραννος*) обозначали лицо, присвоившее себе власть насильственно, а не в силу своего происхождения.

как блюстителя государственной конституции и народного собрания (ἐκκλησία), как верховной власти. А как поступил в данном случае Солон? Он был освобожден от всяких ограничений и законодательствовал в силу народных полномочий, исключавших всякое обсуждение законов в обычном порядке. Составив законы, касавшиеся всех частей государственного устройства и общественной жизни, — он явился с ними в Народное Собрание. Но последнее не обсуждает их, а только заботится, чтобы они были приведены в исполнение и дает в этом присягу¹⁾. Таким образом форма законодательства совершенно особая. Конечно, причиной этого были, во-первых, исключительная политическая обстановка в Афинах около 594 г. и, во-вторых, огромный личный авторитет Солона как поэта, государственного деятеля и счастливого полководца. Таким образом, в его руках была власть совершенно исключительная. Вот почему все источники в один голос говорят, да и сам Солон в своих элегиях подчеркивает, что он очень легко мог превратиться в тирана. Вот что передает нам Плутарх (Солон, 14): «Особенно же бранили его друзья за то, что он из-за названия гнушается единоличной власти, как будто не от добродетели самого взявшего зависело бы сейчас же превратить ее в царское правление и как будто уже прежде она не существовала у эвбейцев, когда они избрали в качестве тирана Тиннонда, а теперь у митиленцев, когда они избрали Питтака. Ни одно из таких соображений не заставило Солона изменить свое убеждение, но друзьям своим он, говорят, ответил, что «тирания — это хорошая крепость, только выхода из нее нет». В стихотворения же к Фоку²⁾ он говорит:

«... Если ж родину свою
Пощадил я, тирании и жестокой силы с ней
Не забрал, своей же славы не позорил, не сквернил,
В том не каюсь: так скорее я надеюсь победить
Всех людей».

Из этого ясно, что уже и до издания законов он имел великую славу. А насчет того, что говорили многие, смеясь над ним, когда он отказался от тирании, то об этом он пишет так:

«Не был, нет, Солон глубоким, не был мудрым он совсем:
Счастье бог давал ведь в руки, он же сам его не взял.
Окруживши сетью рыбу, он от радости не смог

¹⁾ Эти законы были выставлены на видном месте на так называемых «Кир-
бах», т. е. вращающихся трехпризматических досках, для всеобщего сведения, что-
бы никто не отказывался, что не знает законов.

²⁾ Ни Тиннонда, Эвбейского тирана, ни Фоки мы совершенно не знаем.

Точка вытянуть великой, ум и смелость потеряв.
Я!) ж охотно, лишь бы власть мне и казны побольше взять.
Да тираном день хоть только над Афинами побыть, —
Дал с себя содрать бы шкуру и весь род свой погубить».

Такое рассуждение относительно себя он влагает в уста толпы и людей пустых. Однако, отвергнув тиранию, он не проявил слабости в делах и издал законы без мягкости и без уступок в пользу могущественных или в угоду избравшим. Но где дело обстояло благополучно, там он не прибегал к лечению или преобразованию из боязни, как бы —

«Совершенно ^{бе}не смешавши и смутивши город весь,
Слишком слабым не явиться, чтоб порядок водворить
И устроить в государстве, все ко благу приведа».

Действительно, Солон, пользуясь своим авторитетом и жаждой твердой власти со стороны демоса, мог проложить себе дорогу к тирании, создав в силу своих полномочий вместо Народного Собрания и «Совета 400» какое-нибудь учреждение с единоличной властью. Но так или иначе он не сделал этого; может быть, потому, что был слишком честен и мудр, а может быть и потому, что почва была не подготовлена и была свежа еще память о неудачной попытке Килла стать тираном. Возможно, в этом сказались аристократическое происхождение Солон.

Как же воспользовался Солон своими чрезвычайными полномочиями? Оказывается, он не примкнул к какой-либо из борющихся партий, он не удовлетворился их программами. О программе олигархов мы хорошо знаем: они стремились закрепить эвпатрический порядок. Солон не пошел вместе с ними. Но он не пошел до конца и с крайними демократами, которые добивались не только реформы учреждений и государственного строя вообще, но и коренного передела земли и даже отмены долгов. ἡ δὲ ἀναστάσις καὶ ἡρεῖν ἀποκοπή (Аристотель). Что же сделал Солон? Он устроил нечто среднее, почему Аристотель и характеризует его, как представителя середины. ^{по словам Плутарха}

Солону предстояло разрешить две основных задачи. Прекратить классовую борьбу путем соответствующих социально-экономических реформ и затем уже коренным образом преобразовать весь государственный строй²⁾.

(Продолжение следует).

¹⁾ Слова одного из критиков Солон, от имени которого Солон как бы написал это ироническое стихотворение. Оно ярко характеризует (как и предыдущее) отношение Солон к тирании.

²⁾ Плутарх (Солон, 16) и Аристотель единогласно свидетельствуют, что реформы Солон были резко разделены на 2 части: проведение сисахфии («сотрясение бремени») и реформа государственного строя.